

The book cover features a vertical illustration of a young woman with long, flowing blonde hair, wearing a white, ethereal gown. She is standing in a forest, looking upwards with her arms slightly raised. The forest is filled with vibrant red leaves and flowers, and a small white butterfly is visible on the right. The overall atmosphere is magical and dreamlike.

Ине́сса Ива́нова

Русалочьи сны,
или
Наречённая
плакучей ивы

Инеcса Иванова

Русалочьи cны, или

Наречённая плакучей ивы

<https://litres.ru/74212394>

Аннотация

Жизнь Лады оборвалась в девятнадцатом веке, когда её, крепостную девушку, пытались выдать замуж за нелюбимого. Повезет ли русалке в нежданной любви больше, чем обычной смертной? Ведь влюбиться заново означает предать прежнего возлюбленного.

Не совсем любовное фэнтези, ближе к классическому.

Содержание

Глава первая. Предтеча	4
Глава вторая. Выбор	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава первая. Предтеча

1

— Лада, потерпи немного. Ты же знаешь, скоро сладится! И не надо будет прятаться, заживём, как в твоих сказках.

Речи возлюбленного текли мёдом, а его уста были и того слаще. Верно, о свадьбе уговорено между их отцами давно, сейчас пройдёт знойное лето, на Ильмень опустится прохлада, и гладь озера тронут первые стылые ветра, вот тогда Богдан и уведёт её под венец.

И эта плакучая ива, стоящая у самого края озера и склоняющая к воде гибкие ветви, больше не будет хранительницей их тайн. И Лада не станет ждать любимого возле старого дерева с замиранием сердца, гадать и считать минуты, чтобы он пришёл, и чтобы беда какая его не задержала. А когда увидит — кинется в объятия, презрев девичью гордость. И позволит себя целовать, не переступая, однако, границ дозволенного.

Да и Богдан её уважает, сам надышаться боится, наглядеться всё хочет, гладит по светлым волосам, заплетенным в косу, и шепчет, что мечтает увидеть их распущенными.

— Что я, русалка тебе какая? — хохочет на это Лада. Только с ним она может вот так вольно смеяться и говорить без умолку, так вместе и мечтают. О крепком доме, о детях, о вольности для Лады, наконец.

— Я дворовая, не отпустят без выкупа. Ты обещал поговорить с моим барином, отец твой обещал. Вы вольные, вам можно, а мой барин смирный. Отпустит, покочевряжится для виду, и дозволит.

Всё это она уже не раз повторяла сама себе по ночам, лёжа в сенной вместе с другими девицами, отобранными молодой барыней Алиной Никоноровной для услужения в качестве горничных и мастериц. Все пятеро были стройны, молоды, едва ли двадцать вёсен минуло, и по-своему красивы, но не так чтобы хозяйку затмить.

У молодой барыни и стан тонкий, но крепкий, как ствол молодой березы, и голос такой тягуче-прекрасный, что когда прикажет петь девушкам, первой запевалой становится. И на лицо Алина Никоноровна столь пригожа, что глаз отвести нельзя: брови тёмные, волосы густые, коса извивается по спине чёрной змеёй, потому как барыня среди девиц старается ничем не выделяться, и косы носит по девичьему порядку, а не как замужняя.

— Отпустят, отец долго деньги собирал за тебя, и твой родич тоже не отставал. Одни мы у них, всё сделают.

— А если не отпустят? Или только меня, а отца нет?

— Выкупим. Мой отец так сказал, а он, ты знаешь, слово держит.

Лада, до того склонившая голову на плечо молодого человека, вдруг встрепенулась и посмотрела в его тёмные глаза. В них она черпала спокойствие, силу и надежду. Как встре-

тились год назад на гуляньях на Троицу, так и полюбились друг другу. То ли дело весной было, то ли ещё что, а Лада, до того лишь робко поглядывающая на других парней, вдруг взглянула на Богдана прямо и потом бросилась прочь из хоровода, да так до самой избы и пробежала. А вёрста от луга до дворового подворья будет точно.

Это было больше года назад. А в эту Троицу отец любимого сватов прислал, пока тайно, потому что без дозволения барина ни о чём таком дворовым и думать не следует.

— Помнишь примету: коли сосватать на Троицу, а свадьбу сыграть на Покров, то жизнь счастливой будет? До гробовой доски.

Лада помнила, и подслеповатый ныне священник, отец Дионисий, приехавший в приход лет сорок с гаком назад, будет рад обвенчать ту, кого крестил, и кого его ныне покойная матушка звала «ладушкой» да «солнышком летним», пряниками сахарными на Троицу угощала и с матерью Лады, тоже ныне покойной, на Пасху первой дарами обменивалась.

— Помню всё, Богданка, а не верю счастью. Почему меня выбрал из всех?

— Потому что ты солнышко, но не летнее, нещадное, а майское, улыбаешься, а у меня сердце замирает, всю землю, если бы имел, к ногам твоим бросил, а раз нет у меня её — жизни не пощажу, но наши дети вольными будут! Веришь?

— Верю!

И снова полез целоваться, да Лада оттолкнула мягко, так

и во грех не далеко впасть.

Отстранилась, улыбнулась и склонила голову набок, как бы уклоняясь в тени листвы от солнца. Приятно сидеть в полдень вот так у воды, не боясь, что врасплох застигнут. Жарко, барыня отдыхать легла, а девиц своих по обычаю, услышанному от заезжих купцов и вычитанному в уездных журналах, отправила заняться своими делами.

Девицы по любезным друзьям и разбредались. Тут никакого греха не было, а если был, то невинный, девство все блюли строго, за нарушение обета в Красных Ветрилах дёгтем мазали ворота и позору было бы столько, что не оберешься, да страшен не гнев Господень, не отцовские оглобли, а ссылка в дальние сёла. Здесь жизнь справная, а в других углах губернии сказывают, нищетою дома объаты.

Барин Мирон Велимирович был строгим, но отходчивым, а как хозяин, так и вовсе справный и богатый. Приказчик тоже не зверь, хотя смотрит на неё порой странно, да Лада старается ему на глаза не попадаться. Словом, живи и радуйся, а как барин женился и вовсе утихомирился. Полгода с молодой в столице проживал, другие полгода здесь, в имении родовом.

— Знаешь, а я рада, что барин с барыней на Покров уже уедут, — вдруг посерьёзнела она, вспомнив, какой строгой бывала хозяйка, когда вставала не с той ноги. То косу ей перетянут, то чарку не так поднесут, то улыбнутся криво. Конечно, своих девушек она не била и никому бить не поз-

воляла, а всё же без еды на день оставить могла. И заставить за обедом прислуживать, чтобы от запахов съестного и от холодных взглядов барина провинившаяся трепетала ещё больше.

К счастью, такое случалось редко. С Ладой — никогда.

— А вдруг меня продать захотят?

— Нет, тебя барыня любит, недавно ленту голубую подарила, ты с ней ещё краше, — Богдан вдруг принялся щеко-
тать, но Лада со смехом вырвалась. Убежать бы, да без про-
щания сладости ожидания не будет. Вернулась, наклонилась
и позволила возлюбленному обнять себя крепко, взаправду.

Голову снова повело, и уже растаяв в его руках, Лада пой-
мала себя на мысли, что песня права: «Люби пока любится,
дари радость тому, кто её ждёт, не жди подарков от судьбы,
бери от любимого».

— Пусти, Богданка! Пусти говорю, а то завтра не приду!

Придёт, как не прийти! Или послезавтра! Лада гордилась
своей непреклонностью: дала слово — держи, так отец на-
учил. И отец Богдана тоже такую науку сыну толковал. Куз-
нецы — народ серьёзный.

— Прощай покуда, — выдохнула она и встала на ватные
ноги. Помахала рукой и бросилась прочь по тропе, чтобы по-
спеть к полуденному чаю.

Богдан звал её по имени, но она не оглянулась. Незачем,
всему своё время.

Барыня проснулась в хмуром настроении. Это Лада поняла сразу, как только вошла на женскую половину и заметила, что голос няньки, так звали главную над девушками, седовласую, но крепкую, Христину Гореславовну, жившую ещё при покойной матери барина, то возвышается до крикливых нот, а то походит на бурчащий котёл кипятка.

Не к добру, да и не такое бывало. Настроение у Лады было солнечным, скоро всё это останется воспоминанием.

— Где шляешься? — прошипела баба Хрия, поправляя жидкие волосы, выбившиеся из-под светлого платка. Была она женщиной толстой, низенького роста, но умела поглядеть так, что охота спорить пропадала. А оправданий нянюшка и вовсе слушать не желала, рука у неё твёрдой была, ущипнёт больно, синяк останется. — Поди к остальным, чай барыня изволит пить, а потом на вечернюю службу отправимся.

Лада подивилась: Алина Никоноровна не была богомолицей, стояла на службах по Великим праздникам, постилась, когда принято было, но девица Злата из Вышинских, что была к барыне всех ближе и даже однажды заслужила великую милость — взяли её в услужение в столичный дом барина — твердила, будто бы в зимнюю пору барин и барыня ограничиваются домашней службой и едят скоромное в Сочельник, коли гости наедут. Из тех, перед кем кланяться следует.

— Что случилось? — обратилась Лада к первой девушке, высокой и стройной, с большой грудью, красоту которой не

мог спрятать и просторный сарафан по обычаям предков.

Сарафаны эти никто, кроме хозяйки не жаловал, да как ослушаешься!

— А кто ж их разберет, говорят, чай будем пить, барыню от тоскливого сна отвлечь надобно, — шёпотом ответила Маруся и скрылась с круглой коробкой в опочивальне хозяйки.

Все вокруг были при деле, куда-то шли, что-то несли, одна Лада чувствовала вину за свои пустые руки, поэтому тихо вошла в опочивальню барыни и стала рядом с чтицей Надей, что сидела у окна и медленно, иногда путая слоги, пыталась разобрать историю о житие Святой Ольги.

Эту притчу все знали наизусть, могли бы пересказать, до того барыня её любила, но заставляла читать Надю, не зря же её грамоте обучила.

Лада раздвинула лёгкие занавеси, чтобы дать чтице больше света, и отошла за её спину.

Барыня, по счастью, продолжала прихорашиваться. Одна из девиц переплетала ей косу, другая держала наготове ленты, а третья отбирала живые цветы, чтобы украсить причёску хозяйки. Баба Хрися тем временем самолично застилала постель, хотя на то были другие девушки, но нянюшка любила показать, что она сделает лучше. Когда хозяйка то заметить могла.

— Иди сюда, Лада, потри мне виски розовой водой, как ты умеешь, что-то у меня голова разболелась, — окончив на-

водить красоту и удовлетворённо хмыкнув в зеркало, обернулась барыня.

Оделась она на старинный манер, наряд очень шёл хозяйке, делал её ещё выше и краше. Движения становились томными, плавными, настоящая лебедушка!

Лада поклонилась и принялась исполнять свои каждодневные обязанности. Пальцы у неё были лёгкими, маленькими, мягкими и волшебными, так барыня говорила, а такие слова только пугали: не хотелось бы получить обвинение в ворожбе даже из зависти.

Девушки соперничали друг с другом за хозяйские подарки, хотя те бывали нечасто и обычно причиной тому либо надоевший гребень хозяйки, либо треснувшее по ободку зеркало. Приметы нехорошие, но как знак барской милости сойдёт. И другим можно сказать, что раз подарила барыня свою вещь, значит, скоро просить её можно будет о заветном.

Таков обычай завела Алина Никоноровна и сама строго ему следовала. Коли нет дурного в просьбе, позволяла желанию девицы исполниться. Последний раз милость заслужила Надежда, подарили молитвослов: буквы подстёрлись, зато кое-где осталась видна позолота, нанесенная на большую причудливую букву в начале потемневшей страницы.

Выкидывать молитвы, пришедшие в негодность, нельзя, а тут в дело. Девица читать обучена, пусть себе время с пользой проводит. Надя мечтала о монастырской службе, но родители уже просватали её за сына соседа, пастуха Алексея,

однако слово барина могло всё поменять.

Маруся по знаку бабы Хриси затянула песню о несчастной любви девицы к молодому воину, остальные подхватили, а Лада знай себе растирала виски хозяйки, чертила круг, как на воде, повторяла про себя подслушанные когда-то во сне слова: «Упокой вода печали и беды, смой огорчение и боль, даруй успокоение рабе Божьей Алине».

И хозяйка успокаивалась, вытягивала руки, будто снимала с себя тяжкий груз, отталкивала горести. Конечно, Лада о своём тайном словоблудии никому не рассказывала, грех всё, что не исходит из Писания. Страшный грех.

А это просто фантазии, да кто поверит! Лада любила воду и часто поверяла ей свои мечты, планы и огорчения, с детства говорила с ручьями, со стоячей водой в корыте, сказывала, что видит в воде образы всякие, а потом выросла и забыла. К счастью, так покойная матушка говорила.

— Руки у тебя золотые, — Алина Никоноровна сделала знак прекратить. — Подите все, кроме Лады. Хрыся а ты останься, да позови кого велела. Помнишь?

Нянюшка поклонилась низко и засобиравалась к двери, крестясь на порог.

— А вы ждите нас, да платки приготовьте, в церковь пойдём.

Девушки стайкой выпорхнули в дверь, вслед за нянюшкой, Лада ощущала в спину завистливые взгляды и удивленные возгласы, в которых так и слышалось: «Чем эта пигалица

такое заслужила? Молчунья, а сама тихим сапом в доверие к барыне втёрлась».

Хозяйка сделала знак, мол, иди за мной, и перешла в светлицу.

— Садись, Лада, я давно этот разговор хотела начать да присматривалась всё к тебе. Сколько ты у меня в услужении?

Небывалая милость. Сидеть в присутствии хозяйки было можно с её дозволения, если работа девушки того требовала, но вот так, в беседе с глазу на глаз! Сердце у Лады сжалось в тревожном ожидании. Неужели прознали про тайное сватовство Богдана?

— Два года, хозяйка, — пролепетала она, не смея поднять глаз. Смотрела на руки свои, на безымянный палец, на который на днях Богдан в шутку надел кольцо, сплетенное из трав.

— Но на днях была мне явлена великая милость от Господа, и сны такие в последнее время, нехорошие. Думаю, требует от меня Господь, чтобы я одарила ближнего, как Он одарил меня, — говорила Алина Никоноровна путано, больше самой себе что-то объяснить пыталась, но Лада слушала, пытаясь скрыть дрожь в пальцах. Неужели сейчас позволят просьбу высказать? Воистину, Господь велик!

— Да всё это для тебя неважно, после узнаешь, — улыбнулась хозяйка, стряхнув с себя налёт стародавней красавицы из былинных песен, и став вполне современной дамой. Заговорила по простому, а не по кручённому, глаза серые,

холодные, засверкали, как звёзды, заблестели как блики на воде. — Я думала, как тут лучше порешить, а вчера у меня руки твоей попросили. Вот я и удивилась, но, посоветовавшись с супругом, дала согласие. И приданное тебе отсыплю неплохое.

Барыня пристально посмотрела на онемевшую Ладу и поморщилась:

— Ну что застыла? Благодарить!

3

Лада бухнулась хозяйке в ноги и смиренно поблагодарила за столь великую милость. Когда надо, она умела долго и слегка сбивчиво для достоверности говорить те слова, которые собеседник желал услышать. Жизнь выучила: дворовые девки должна уметь угождать хозяйке, иначе отправятся на тяжелые работы вне богатой усадьбы.

С одной стороны, так лучше, не придётся бояться гнева, порой не связанного с делами провинившейся, а с другой, кому понравится день-деньской на солнцепёке и в лютый мороз ходить за скотиной, птицей, работать в поле на барина? Все вокруг, даже отец, твердили, что Ладе повезло, что Алина Никаноровна выбрала её из десятка других пригожих девиц. А ведь барыне нравились только высокие и темноволосые, они как бы оттеняли красоту самой хозяйки, представляясь её бледными отражениями.

Тогда ей, хрупкой, с тонкой бледной косой и с большими, голубыми, как озеро Ильмень, глазами всё случившееся ка-

залось великой удачей. Птицей счастья, опустившейся в маленькие, но крепкие женские ручки.

Лада плакала совершенно искренне и всё твердила, что милость обещана ей огромная, что она недостойна её, что единственное желание — прислуживать хозяйке и дальше, а ведь когда станет мужней женой, то покроет голову платком и уедет в дом мужа.

— Что ты так дрожишь, глупая? — барыня подала ей руку и велела подняться. — Разве ты не рада? А насчёт отъезда, не бойся, потом всё уладим, может, далеко ехать и не придётся. Что же ты дрожишь?!

На такой вопрос есть только один ответ, если не хочешь, чтобы высекли. В голосе барыни уже проклёвывалось раздражение.

— Ваша светлость, чем я заслужила подобную милость?

На самом деле, и все это знали благодаря бабе Хриси, барыня была княгиней Добронравской, но то в столице, где этих князей пруд пруди, а дома она желала, чтобы к ней обращались «ваша светлость». Девицы хихикали между собой, но соблюдали, что велят. А самым речистым давно языки тяжелая работа по дому укоротила.

Среди девушек ходили слухи, что если барыню по иноземному повеличать, она станет сговорчивей и добрее. Всё это пришло на ум Ладе в одно мгновение, этим она и воспользовалась, ухватила как за последнюю соломинку.

— Просили за тебя, — коротко ответствовала барыня и

оттолкнула стоящую на коленях Ладу. Легонько так, мол, перестань юродствовать и дрожать, раздражаешь уже.

А как не бояться? Лада была хоть и младой, несведущей в подобных делах, но понимала: молодой кузнец, ученик кузнеца, никак не мог просить её руки у барыни в обход барина. А иной миг сквозь тьму отчаяния проглядывал луч надежды: вдруг Господь услышал молитвы и решил по своему разумению ко всеобщему благу?

— Встань и приведи себя в порядок! Познакомлю с женихом, а свадьбу сыграем аккурат через недели две, как успеем приготовить. Тянуть ни к чему, давно у нас свадеб не было.

Барыня и сама спешно поднялась на ноги, оживилась, разругнялась и даже помолодела. Подошла к столу, позвонила в большой колокольчик, украшенный белой атласной лентой. Барыня обожала ленты и желала видеть их повсюду.

Лада кое-как поднялась на ноги. Оправив сарафан и склонив голову, продолжала дрожать и молиться про себя, чтобы всё это оказалось если не сном, то шуткой. Барыня забав подобных не любила, но кто знает, что в голову после полуденного сна взбрело? Странная она в последнее время, настроения переменчивого.

Вот сейчас отворятся двери, и баба Хрися объявит, что всё это могло бы быть, но не будет, потому как Лада опоздала и теперь заслуживает наказания. Дверь открылась, и в комнату ворвался знакомый запах, напоминающий о разогретой на солнце воловьей коже. Лада вскинула голову, не поверив

носу.

В покои барыни посторонним мужчинам был вход заказан. Под страхом смерти.

— Здравствуй, Лада! — произнёс топтавшийся на пороге и комкающийся в руках фуражку крепкий бородач с глазами хитрыми, по-татарски узкими и масляными. — С позволения благодетелей обвенчают нас вскорости. Я и подарок тебе справил, не побрезгуй, в уездный город за ним ездил.

И протянул белый свёрток, косясь на барыню, и пару раз до и после своего сказа поклонившись в ноги благодетельнице.

4

— Смотри, какие дары! — заговорила барыня уже совсем с иностранным выговором. Она вдруг вскочила на ноги, приняла из рук приказчика свёрток, чтобы тут же нетерпеливо развернуть его.

Лада и взглянуть не смела, ей было не до того. Голова кружилась, перед глазами темно сделалось, и она уже молила Господа о спасительном обмороке. Как было бы хорошо, в самом деле, упасть в обморок, сказывала Надя, что грамоте обучена, что в книгах написано: барышни в столице носят повсюду нюхательную соль. Дабы не упасть в обморок тогда, когда это совсем неуместно.

Впрочем, в тех же книгах написано, что они затягивают себя в тиски ради тонкой талии, а это совсем диковинно. Разве станет девица страдать ради того, чтобы кто-то поверил в

тонкий стан? Напротив, крепкой должна быть невеста, плодородной.

— Взгляни, милочка, какой красивый гребень, ещё и ко-
стяной! А зеркало на ручке в оправе медной, будешь жить
как богачка!

Когда барыня злилась или была не в духе, она всегда на-
зывала девок «милочками». Лада понимала, что надо благо-
дарить, что именно этого ждёт, кусая губы, барыня, но не
смогла вымолвить ни слова.

Мысли крутились и опять возвращались к Богдану. Нет,
это жуткий сон, надо проснуться — и только!

— Все сюда, поздравьте жениха и невесту! — крикнула
барыня, хлопая в ладоши. Сейчас она казалась Ладе нечи-
стой силой, мгновение — и обратится.

В светлицу испуганной стайкой вошли остальные девуш-
ки и испуганно посмотрели на происходящее. Потом гор-
ничные, лакеи, которых согнала баба Хрися, чтобы угодить
хозяйке. Молчание прервалось, сначала робко, а потом всё
смелее с руки той же нянюшки начали раздаваться выкрики
и пожелания долгой жизни, счастливой судьбы.

Баба Хрися и образ Богоматери приволокла, а Лада всё не
могла сдвинуться с места, как в тот день, ей десять лет тогда
было, затянуло в омут, уже призраки в воде мерещиться ста-
ли, а двинуть ни рукой, ни ногой, не могла. Не смела, будто
сила какая наложила заклятье.

Но тут либо действуй сейчас, либо молчи навеки и плачь

в подушку. Боязно, как в тот омут снова броситься, но всё одно без Богдана!

— Матушка, пощади! Ради Христа Бога прошу вас, смилостивитесь, — образ в руках барыни оказался весьма кстати. Лада бухнулась на колени и смотрела на печальный лик Богоматери. — Не могу я быть женой ему, люб мне другой, я ему слово тайное дала!

Лада почти кричала, потому что знала: станет говорить тихо как обычно, никто внимания не обратит. Барыня любит показное милосердие, тем более захочет его проявить, когда именем Бога просят!

Припала к стопам хозяйки, дрожала, зуб на зуб не попадал.

— Христина, запри эту негодницу, да чтобы не сбежала, головой отвечаешь! Ишь, что удумала, слово раздавать, как будто оно тебе принадлежит! А мы со свадьбой поторопимся, а ты Тихон тоже готовься, дурь из неё выьем.

Ладу подняли под руки, плеснули в лицо студеной водой из графина и увели в чулан под лестницей. Баба Хрися шла рядом и заглядывала ей в лицо, то увещевая, то грозя карами неслыханными, и всё как-то жалостливо выходило, но Лада едва понимала, что происходит. Знала, что жизнь кончена, а как всё поправить, Господь ведаёт, да ей не скажет.

— Ты, девка, это брось! Бабья доля такая — служить и покоряться. Барыня тебе приданое даст, вольную, станешь почти хозяйкой, — обернулась она на пороге, когда Ладу толк-

нули на наскоро собранную постель из соломенного тюфяка. — А иначе, беду накличешь. И на свою дурную голову, и на тех, кто тебе дорог.

Хотела прибавить что-то ещё, но так и не решилась. Махнула рукой и вышла, заперев накрепко дверь. Мир вокруг Лады погрузился во тьму.

5

Первые дни Ладу почти никто не беспокоил. Девка, что приносила еду и убирала ведро, оказалась глухонемой. Раньше Лада видела её на кухне, Глафа, как звали девушку, была сиротой, как прибилась к дому почти никто не помнил, это было ещё до того, как Лада поступила в услужение к барыне, а в деревне помнили лишь, что однажды в начале лета Глафа вышла из лесу, девочкой ещё лет четырнадцати, нечесаная, невытая, мычала и жестами объяснялась.

Справки навели, отец Дионисий написал в соседний приход, и лишь спустя несколько месяцев пришёл ответ: пожар был в избе, родители угорели, а девочка исчезла. Но было то по весне ещё, значит, всё сходилось, девку и пожалели, барин распорядился, раз всё после Троицы случилось, взять в дом, но Глафа быстро прибилась к кухне и стала помогать. Чистить кастрюли, горшочки, противни, лишь к печи боялась приближаться. Открытого огня страшилась до истошного крика, но то и понятно.

А отмывала грязную посуду так, что любо-дорого посмотреть.

Так и оставили её в услужении.

Лада видела её в доме пару раз и то мельком. И всякий раз оглядывалась на худую девичью фигуру, гадая, что в ней не так. Сердцем чувствовала подвох, но списывала всё на страшную историю. У Глафы щека была слегка обезображена и глаз косил, говорят, недобрый знак. Да ещё говорили, что выбраться из того пожара было невозможно.

— Ты можешь передать весточку в деревню? — Лада не собиралась сидеть сложа руки.

Вскоре после заточения ей принесли свечку в подстаканнике, и она восприняла это как добрый знак.

Первый день Глафа дичилась и убегала тем быстрее, чем Лада пыталась с нею заговорить. Но сегодня с самого утра служанка смотрела исподлобья и ждала чего-то.

— Можешь?

Глафа не ответила. Собрала пустую глиняную миску и стакан, попятилась к выходу, но Лада перехватила руку девушки и снова принялась увещевать:

— Пожалуйста, Глафирочка, ну что тебе стоит! Я ленту подарю, смотри, мне её барыня отдала, а я тебе подарю.

Распутала косу и протянула служанке голубую ленту.

— Вот её покажи тому, кому скажу. И твоя станет. Возьми. Просто передай, что я здесь, — тут Лада осеклась, сообщая, как же глухонемая передать послание сможет, но потом решила, что как-нибудь сладит. В деревне знают, кто такая Глафа, откуда она, а Богдан, должно быть, уже догадал-

ся, что с Ладой беда приключилась.

Она всё переживала, что любимый, не найдя вчера Ладу под ивой в условленный час, отправится в поместье её разыскивать. Впрочем, она утешала себя тем, что такое случилось уже. Лада иногда не могла явиться в место встречи, Богдан знал о том, но один день, положим, он бы пропустил, а второй? Нет, сегодня точно стерпеть не сможет!

Лада переживала за Богдана больше, чем за свою судьбу.

За себя что печалиться? Барыня посерчает да смилюстится, приказчик Тихон сам всё слышал, он поймёт, что она никак не может быть ему женой. А если нет, то она сама ему откажет. Приказчик — человек вольный, а она крепостная, но Тихон вхож к барину, доверием его пользуется, может, попросить за неё, чтобы разрешили Ладе и отцу выкупиться.

Да и что приказчику пользы от такой жены? Она моложе Тихона на много лет, а на сколько много, Лада не ведала, но привыкла считать приказчика человеком солидным. Почти ровесником отца. И в делах приказчьих не ведаёт, не интересуется, Тихону домовитая нужна, вдовая. Так её отец рассуждал, так и она мыслила.

А своей мысли на сей счёт Лада не имела. Все помыслы Богдану были отданы, как и сердце, и вся она стремилась душой к возлюбленному.

— Молю тебя Христом Богом. Подсоби! Просто покажи ленту, дай весть, что я здесь в беде. Пусть к отцу моему сходит, они что-нибудь придумают, к отцу Дионисию за сове-

том придут.

Лада заметила, что пока она говорила, Глафа вытащила ленту из её рук и уже была такова, не забыв, однако, запереть крепко дверь чулана.

Настроение заметно прибавилось, всё случившееся теперь, когда Лада нашла способ передать весть Богдану, казалось почти избытым. Прожитым, пережитым, из тех событий, что как гроза летняя проходит без следа, и уже через час светит солнце.

Бывают такие минуты, когда молишься, а Лада умела молится искренне, с надеждой на скорое чудо, словно дитя малое, без малейших сомнений в скором исполнении просимого, и с каждым часом на душе становится спокойнее.

Так продержалась она до вечера, но в этот раз еду принесла не Глафа, а другая горничная. С небрежной косой, в грязном переднике она еле взглянула на Ладу, но выходить не спешила.

— Что слышно в доме? — спросила заключённая, полагая, что эта не прочь завязать разговор. Кажется, это дочь старой Матрёны, приживалки и богомолицы.

— Свадьбу тебе готовят, барыня приказала платье шить, усадила трёх мастериц, чтобы поспели к сроку, — в голосе горничной слышалась плохо скрываемая зависть. — Завтра мерить придут, ты уж, это, благодари, барыня на тебя сердиться изволят, да и поделом!

Лада поняла, почему горничная заговорила: с одной сто-

роны, хотела насладиться унижением чистенькой девки из доверенного круга хозяйки, с другой, понимала, что грубить в открытую опасно, скоро Лада станет женой приказчика, вольной, стало быть, да ещё при таком муже!

Сообразить что-либо Лада не успела, в душе грелась надежда, что Богдан ещё не успел спасти её, скоро они с отцом Дионисием придут просить барина, тот священнику не откажет.

— А ну, что стала языком чесать! — баба Хрися вошла в дверь и тут же замахнулась на горничную. — Пошла отсюда!

Помолчала, пока дверь не закрылась, осмотрелась, взглянула на Ладу и села на грубо сколоченный табурет.

— Ну, что надумала? — спросила, смотря на лампу.

— Я не могу выйти замуж за Тихона, Христина Гореславовна, простите, но мне другой люб. Он и отец мой деньги собирали, чтобы выкупить меня.

Что тут скрывать! Остаётся уповать на милость барина с барыней и на молитвы.

— Скажите, Христина Гореславовна, что мне делать? Подсобите если не делом, так советом.

— Ишь, как заговорила! Откуда велеречивость взялась, как соловей поёшь! — усмехнулась баба Хрися, хлопнув ладонями себя по изуродованным болезнью коленям. — Советом, так и быть, помогу. Орла твоего, яхонтового, в солдаты забреют, так барыня сказала.

Лада ахнула и закусила нижнюю губу до крови и сидела

ни жива ни мертва. Нет, за два дня они узнать про Богдана не могли! Она никому из девушек здесь про него не сказывала.

— А ты думала, что никто не следит, с кем и как девицы барыни проводят время, пока она отдыхать изволит! Знаю я твоего Богданку! В солдаты ему самая дорога, раз решил девок дворовых портить без спросу! Не спорь.

Лада и не спорила. Сидела тихо, пошевелиться не смела. Соображала: раз пришли к ней разговоры вести, значит, в её силах изменить судьбу. И все слова, которые заготовила в своё оправдание, вдруг сделались лишними, о чём говорить, как мечтать, когда возлюбленному из-за неё опала грозит.

Лада полагала, что согнать с земли могут, ну так они с Богданом в другой земле прокормятся, кузнецы везде нужны, а тут беда подкралась, откуда не ждали!

— Но коли по доброй воле откажешься от него, под венец пойдёшь, то будет всем лучше. И твоего в покое оставят. Только решай быстро!

— А Богдан? Могу с ним повидаться напоследок?

— Сказано, не дури! — баба Хрисия тяжело поднялась на ноги и переваливающейся походкой направилась к двери. — Через час за ответом приду!

Глава вторая. Выбор

1

Поначалу Лада даже не думала отказываться от жениха, кого выбрало сердце. Раз бабу Хрисию прислали увещевать непокорную, значит, зачем-то понадобилось её согласие, стало быть, отец Дионисий с Богданкой уже добрались до барина и попросили о милости. Барин, Мирон Велимирович, перед которым трепетала вся округа, был крут в гневе, но Бога боялся. Пожертвовал на местный храм за все года столько же, сколько стоила вся деревня Красные Ветрила.

Священнику богобоязненный перечесть не посмеет, отец Дионисий почитался местными чуть ли не святым, если бы не грозил за то грехом лицемерия и карами небесными на головы тех, кто не понимает закон Божий не из заблуждения, а по лъстивой надобности. Суровый был отец Дионисий, хотя скоро, он сам так говорил, призовет его Отец Небесный.

И всё же пока не призвал Ладе и Богдану на радость. Его покойная супружница не зря матери Лады пообещала, что обвенчают дочь в свой час в той самой церкви, где и крестили. Лада почему-то не любила бывать в храме, неуютно ей там становилось, зябко, образы со стен смотрят осуждающе, вот того и гляди пальчиками погрозят, так в детстве казалось. А после в девичью пору стало мерещиться, что святые и даже Богородица смотрят на неё печально, будто нет спа-

сения заблудшей душе.

Лада пробовала молиться, желая доверить решение своего вопроса высшим силам, но сама чувствовала: за словами — пустота. Когда прошло достаточно времени, чтобы баба Хрися вернулась, в замке повернулся ключ. Лада встала на ноги, чтобы гордо отвергнуть все сделки с совестью и с сердцем, но в чулан пришла не нянюшка хозяйки, а Глафа.

Глухонемая несла полупустое ведро с водой, из открытого проёма двери потянуло свежестью озёрной, Лада спросить хотела, отнесла ли немая ленту к Богдану, да та сама разжала пустую руку, чтобы затворница увидела свой подарок.

— Снесла? — спросила Лада шёпотом, будучи уверенной, что Глафа пришла втайне от бабы Хриси. Не могло быть у них общих дел.

Девица кивнула. Поставила ведро на пол, прижала палец к губам, призывая молчать, и поманила Ладу. Подойди, мол, и лампу возьми.

Лада вдруг вся затрепетала, будто её на волю выпустить собирались. Почувствовала лёгкость в груди, желание прикрыть рот ладонями, чтобы смех наружу не вырвался. Откуда поселилась такая уверенность, что всё будет хорошо? Ноги сами пошли к Глафе, а та только улыбалась хитро и всё махала, звала к себе.

А потом как схватит Ладу за руку и потянула вниз, присесть на корточки. Лампу поставили на тот самый табурет, на котором давеча баба Хрися сиживала, Глафа села на пол

и принялась что-то тихонько насвистывать, пальчиком круги на воде выписывать. Протянула Ладе, которая ни могла пошевелиться, ленту и знаком показала: бросай в воду.

Подчиняться не хотелось, Ладе сделалось так тоскливо, будто стоит она на берегу озера Ильмень и раздумывает, глядя на его спокойные воды, уж не бросится ли с горя, оглядывается, не остановит ли кто, хочет, чтобы остановили, а вода уже шепчет: «Здесь песни слагают о любви, здесь девы вечно молоды! Иди к нам, сестрица, ступай по водице, под озером хватит на всех нас землицы».

Голос тоненький и в тоже время сильный, красивый, чарующий. А за спиной непроглядный тёмный лес, скоро из него выйдут люди и уведут её к постылому жениху.

Лада наклонилась над водой, желая разглядеть картинку, и вдруг поняла, что картинки нет, и воды нет. Она стоит во дворе помещичьего дома позади людей, согнанных смотреть, как секут какого-то бедолагу. Немолодой, худой, лежит на полати, выволоченной на двор, и на спине расцветают бордовые полосы, и кожа слазит, обвиваясь вокруг толстого хлыста.

Лада хотела уйти, потому что смотреть на такое выше её сил, и тут бедолага в очередной раз закричал что есть мочи, по-звериному, поднял голову, и она узнала отца. Попятилась, зарыдала, хотела закрыть лицо руками, а кто-то схватил её за запястья и не дал того сделать.

Глафа преобразилась, кожа её посерела, а обезображен-

ная щека вдруг стала гладкой. И глаза приобрели красивый зеленый блеск, от косоглазия и следа не осталось. Девушка, схватившая Ладу за запястья, казалось, вот-вот заговорит. Но она лишь молча показала глазами на воду и разжала холодные пальцы.

Лада вмиг успокоилась, словно заговоренной студёной водой в лицо плеснули, и снова склонилась над ведром: поверхность воды была неподвижна, нутро черно, точь-в-точь омут! Вдруг она увидела лицо Богдана, он смотрел вокруг, озирался, людно возле его ворот, жара стоит, а вокруг тишина могильная, смотрят провожающие с жалостью и одновременно с облегчением: минула участь их сыновей.

А тем, кому выпала стезя послужить на благо Отчизны и Государя, так громогласно говорил пришлый и усатый военный, худой как жердь и со следами от оспин на лице, только и осталось что взглядом проститься с родными местами. Через двадцать пять лет службы, даже если вернётся солдат, всё вокруг другим станет, а близкие, те, кто остаются, чужими. Это что в гроб живым лечь, страшнее, чем умереть и быть безвозвратно оплаканным.

И всё же уходящие надеются если не на чудо, то на последний привет от родных. Иногда хочется утешить себя невыполнимыми обещаниями ждать и помнить. И услышать через тысячи вёрст последний вздох любимого.

Глафа коснулась плеча Лады, и последняя услышала в своей голове мелодичный девичий голос:

«Это случится скоро, а ты выйдешь замуж. И он уйдёт, понимая, что ты его предала».

— А если не предам?

«Так ему скажут. Ты просидишь здесь, покуда его не отправят в другой уезд на военный сбор, он не узнает о твоей жертве, а что с отцом будет, сама видела».

— И как это отвратить?

Видения растаяли на поверхности воды так же быстро, как и возникли. Перед глазами Лады пелена рассеялась, теперь она сидела на полу. А рядом, держа за руку, сидела Глафа, всё такая же и совсем иная, нездешняя, и холодом тянуло от её тонкого стана и бледно-зеленого лица.

«Отвратить? Баба Хрися права, судьба твоя такова. И тех, кто с тобой связан. Покорись».

Ключ в замке повернулся, и свет лампы ударил Ладе в лицо.

— Что ты на полу сидишь?! И в темноте. Никак умом тронулась? — последнюю фразу баба Хрися произнесла тихо, себе под нос, но дверь затворила, однако проходить не спешила. Лампу свою подняла над головой, осматривать чулан принялась: нет ли кого.

Убедившись, что они одни, недовольно брякнула лампу на табурет взамен потухшей, и строго спросила, избегая смотреть Ладе в глаза:

— Удумала что? Так ты это брось! Грех великий, а сам Господь, — тут она неуклюже перекрестилась, — велел пло-

диться и размножаться. Господь придумал господ и вручил им власть над дворовыми, чтобы присматривали за неразумными нами. Так оно было испокон веку, так и будет до его скончания. Молчишь? Стало быть, понимаешь, что права.

Лада сидела на полу, поджав ноги, и почти не слушала нянюшку барыни. Не было рядом ни ведра с колодезной водой, ни Глафы. Привиделось, должно быть.

— Так я скажу Алине Никоноровне, что ты согласна. Вот и умница! Потерпи немного, я тебе прянику принесу с кухни. Сегодня напекли, так кусочек не грех отдать, так Господь велит, — баба Хрися подошла и осторожно, как бродячую собаку, погладила Ладу по голове.

И тут же засобиралась идти, забрав потухшую лампу. Лада очнулась, словно до рукава кто дотронулся. Посмотрела на пол, устланный соломой, и заметила голубую ленту, которую сама получила от хозяйки и отдала в дар Глафе за весточку для любимого. Схватила её, но она вдруг почернела и рассыпалась под пальцами, оставив на коже чёрные сажевые следы.

2

Свадебное платье было цвета акации, юбка наощупь напоминала лепестки девственного цветка. Лада понимала, что недостойна такого наряда, за её строптивость могли бы и в рубище выдать, впрочем, тут Тихон постарался.

Хотел невестой похвастаться, купил её так же, как покупают корову. Впрочем, крепостной с рождения надо быть к

тому готовой, другие бы дворовые позавидовали: быть вольной и женой уважаемого человека — верх мечтаний.

После того, как выпустили невесту, жених лишь раз взглянул на неё, спросил, усвоила ли она, что покорность — едва ли не лучшее украшение девушки. Лада кивнула: видения видениями, а уговоры отца и угрозы барина подействовали сильнее.

Первый говорил о том, что долг дворовой девки — подчиняться барину, просил пожалеть его седины и не губить себя, потому как отец Дионисий ходил просил, и его не послушали, а велели вспомнить Писание: всякая власть исходит от Бога, и бунтующий против неё ропщет на Создателя.

А барин не уговаривал. Заставил опуститься на колени и надавать пощёчин, добавив: «Скажи спасибо, что замуж выходишь, лицо портить не хочу. А Богданку твоего в солдаты забреют, коли слова против воли барыни скажешь».

И Лада сдалась. Она воображала, что никто не заставит отступить от данного возлюбленному слова, в вот, поди ты, свершилось.

— Жертвы угодны Богу, а страдания очищают душу. Ты правильно решила, и по-житейски, и как христианка, смирила гордыню, — сказал отец Дионисий, когда рано поутру к нему привели Ладку на причастие и исповедь.

Но Лада корила себя за слабование. Не смогла, смалодушничала. Увидеть бы Богдана, поговорить с ним, сказать последнее «прости», объясниться, но куда там, шагу ступить

свободно не давали!

Держали взаперти, правда, перевели в другую комнату с окнами, выходящими на тропинку к лесу, видно даже было озеро. Лада вглядывалась в него и хотела оказаться на берегу. Встать под той самой ивой, наклонившейся к воде, и спросить вслух, как поступить правильно: как совесть велит, или как сердце подсказывает.

Сбежать бы, да никто в доме не поможет. Глафа и та больше на глаза не показывалась, Лада бы непременно спросила: виденье было то, что случилось в чулане, или наяву произошло. Скорее первое: никто не может читать чужие мысли, свои порой такие запутанные, что не разберешь.

А день свадьбы приближался. Готовили торжество спешно, баба Хрися заходила несколько раз на дню и рассказывала, где Лада с Тихоном жить будут, как все девушки рады за неё и ждут не дождутся, когда смогут лично поздравить новобрачную. Говорила нянюшка барыни и о том, что приказчик не зверь, но место своё Лада помнить должна, и кому она обязана милостью вольной жизни, тоже.

— Со временем тебя барыня может и ключницей сделать, коли послужишь хорошо. А пока Матрёне подчиняться будешь, она тоже не обидит, научит, как за хозяйством следить, своим и барским, и в тягости жалеть станет, работой непосильной не обременит. А как первенца родишь, так и вовсе отпустить могут к мужу.

Эти разговоры тяготили Ладу. Ей хотелось лежать лицом

к стене, нечёсаной, немытой, только чтобы не трогали, и плакать. А ещё сильнее хотелось пойти к озеру, обнять ствол ивы руками и вот тогда излить не стесняясь своё горе. В тоже время верилось, что на воле, на просторе случится чудо.

Стоит выйти, и Богдан появиться из ниоткуда и увезет её в дальние края. Пустое! Беглой крепостной нигде житья не будет, этот грех не имеет срока, найдут, всех накажут, живьём кожу сдерут. И отца она им своего не отдаст на поругание.

— Не станешь есть, будут кормить насильно, — баба Хри-ся раздражалась и тут же снова переходила на увещатель-ный тон. — Скоро день свадьбы, всё забудется. И не такое, голубка ты мелкая, забывалось.

Садилась на постель и гладила Ладу по волосам, так и за-сыпалось легче. А сны снились тяжелые, мутные, как вода в озере Ильмень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.